

Князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой.

† 29 сентября 1905 года.

Уже давно ни одна смерть не производила на всю Россію такого сильнаго впечатлѣнія и не вызывала такого единодушнаго взрыва симпатій къ почившему и острога сожалѣнія о понесенной утратѣ, какъ внезапная смерть ректора Московскаго университета кн. С. Н. Трубецкаго. За послѣдніе мѣсяцы онъ успѣлъ сдѣлаться въ буквальный смыслъ кумиромъ всей передовой Россіи. Съ 6 іюня въ немъ всѣ увидѣли глашатая нашего уже начинающагося обновленія. Онъ сталъ символомъ окончательно окрѣпшихъ и сознавшихъ свою непобѣдимость надеждъ на лучшее будущее въ политикѣ, наукѣ, общественной и церковной жизни. Онъ былъ признанъ передовымъ бойцомъ молодой Россіи, уже почувствовавшей и провозглашающей побѣду надъ позорной властью тьмы, былъ тѣмъ первымъ воиномъ, который въ разгарѣ штурма раньше другихъ повялъ, что сопротивление врага сломлено, и успѣлъ крикнуть растерявшемуся противнику ошеломляющее и торжествующее: „сдавайтесь“!.. И вотъ онъ палъ въ тотъ моментъ, когда былъ приглашенъ въ вражескій станъ начать переговоры объ условіяхъ капитуляціи... Кн. Трубецкой умеръ въ засѣданіи министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ онъ, въ качествѣ университетскаго ректора, горячо отстаивалъ мысль, что свобода для университета можетъ существовать только при свободѣ для общества. Находятъ ¹⁾ трагическимъ положеніе, когда кн.

¹⁾—П. Н. Миллюковъ, посвятившій памяти покойнаго лучшія строки изъ всего, что только намъ пришлось читать о немъ (см. въ „Рус. Вѣд.“ № 260).

Сергѣй Николаевичъ выступалъ со своими горячими доводами передъ синклитомъ чиновниковъ, передъ людьми глубоко равнодушными къ тому, чѣмъ болѣлъ, отъ чего истекалъ кровью этотъ благородный общественный дѣятель, и видять въ его смерти послѣдній доводъ, который сумѣеть оцѣнить только русское общество. Но мы полагаемъ, что такое сужденіе справедливо только отчасти: хотя наши чиновники,—отъ министра до послѣдняго писца,—и дѣйствительно глубоко равнодушны ко всякимъ идеальнымъ запросамъ и задачамъ *an sich*, они однако теперь уже ясно увидѣли всю необходимость считаться съ этими запросами, какъ могучей общественной силой, которая грозитъ смести съ лица земли и ихъ самихъ и всю ихъ систему олимпійскаго презрѣнія къ насущнымъ нуждамъ русскаго народа; въ лицѣ С. Н. Трубецкого они увидѣли предъ собою проснувшееся общественное сознаніе, властно указывающее имъ ихъ настоящее мѣсто,—мѣсто служителей народа, а не властителей его;—и если этотъ голосъ, въ переговорахъ съ ними, оборвался на самой высокой нотѣ, если благородное сердце парламентаря не выдержало отъ наполнившаго его негодованія, то вѣдь это было, въ сущности, взрывомъ гнѣва всего русскаго народа. А предъ народнымъ гнѣвомъ, когда онъ пробудился, не могутъ не дрожать тѣ, кто такъ много провинились предъ народомъ... Смерть Трубецкого была тяжкимъ ударомъ не только для его друзей, къ какимъ принадлежитъ вся Россія, но и для его враговъ,—враговъ русскаго обновленія: она явилась для послѣднихъ ультиматумомъ, послѣ котораго народъ уже не станетъ дѣлать никакихъ уступокъ и не согласится болѣе ждать. Развернувшіяся на нашихъ глазахъ событія послѣднихъ дней въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ мѣстахъ нашего необъятнаго отечества показали, какъ немного не дожилъ С. Н. до того момента, когда правда, наконецъ-то, начала торжествовать по всей линіи!...

Кн. Трубецкой умеръ, сумѣвъ и самую смертью послужить дорогому для него дѣлу. Но какъ больно и обидно отъ мысли, что по злой ироніи судьбы ему-то именно и не пришлось самому увидѣть полнаго осуществленія своего дѣла! Хотя-бы до манифеста 17 октября дожилъ!... Какимъ надрывающимъ душу воплемъ невыносимой обиды звучитъ

надпись на одномъ изъ безчисленныхъ вѣнковъ на его гробъ: „Зачѣмъ свободы не дождался?“... Какъ много, можетъ быть, потеряло и самое дѣло отъ того, что въ немъ не будетъ уже болѣе такого работника, какъ кн. Сергѣй Николаевичъ!..

Кн. Сергѣй Николаевичъ Трубецкой родился въ 1862 году въ Московской губерніи. Окончивъ Калужскую гимназію, С. Н. поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, по окончаніи котораго онъ былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента по кафедрѣ философіи. Въ 1889 году онъ получилъ магистерскую степень, защитивъ диссертацию подъ заглавіемъ: „Метафизика въ древней Греціи“, а въ 1900 году— докторскую степень за диссертацию на тему: „Ученіе о Логосѣ въ его исторіи“, т. I. Съ 1900 года до самой смерти Сергѣй Николаевичъ состоялъ профессоромъ Московскаго университета по кафедрѣ философіи. По опубликованіи „временныхъ правилъ“ 27 августа объ автономіи университета, С. Н. Трубецкой былъ сразу выдвинутъ, какъ наиболѣе вѣроятный кандидатъ въ ректоры Московскаго университета, и 2 сентября дѣйствительно былъ выбранъ ректоромъ большинствомъ 56 противъ 20 голосовъ.

Ректорство С. Н.-ча продолжалось менѣе мѣсяца; но за этотъ короткій срокъ ему пришлось пережить гораздо болѣе, чѣмъ при другихъ условіяхъ пришлось-бы за цѣлые годы. Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ (жаловался на инфлуэнцу)¹⁾ и однако работалъ и волновался, какъ едва ли подъ силу и нѣсколькимъ здоровымъ людямъ. Спокойное теченіе академическихъ занятій, какъ этого и можно было ожидать, являлось невозможнымъ и послѣ „автономіи“. Кн. С. Н. Трубецкой уговаривалъ студентовъ, не устраивать политическихъ митинговъ въ университетѣ, самъ прекрасно сознавая, что до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не будетъ свободы собраній, его призывъ останется безплоднымъ. Подъ угрозой градоначальника ввести военную силу въ универси-

¹⁾ Нѣкоторые врачи даже прямо ему самому говорили, что ему надо лежать въ постели, а не управлять университетомъ. Въ иные дни у него температура доходила чуть-ли не до 40 градусовъ.

теть, если на сходки будутъ допускаться постороннія лица, университетъ былъ закрытъ (на сходкѣ, послужившей поводомъ къ закрытію, присутствовало до 3—4 тысячъ постороннихъ). Затѣмъ его открыли снова, но безъ надежды на возможность безпрепятственно продолжать занятія: вѣдь университетъ все-таки оставался единственнымъ мѣстомъ, откуда полиція не могла разогнать лицъ, собравшихся для совмѣстнаго обсужденія наболѣвшихъ политическихъ вопросовъ. Положеніе—въ высшей степени ненормальное, и выходомъ изъ него, какъ и изъ многихъ другихъ затрудненій переживаемаго времени, могло бы быть только немедленное законодательное дарованіе русскимъ людямъ извѣстныхъ „правъ человѣка и гражданина“. Эту аксіоматически ясную истину, смѣло раскрытую покойнымъ С. Н. чемъ на пріемѣ у Государя 6 іюня, и поѣхалъ онъ наканунѣ своей смерти внушать и разяснять тѣмъ, отъ кого могло зависѣть скорѣйшее исполненіе до неотложности назрѣвшихъ мѣропріятій.

Вотъ что сообщаютъ ¹⁾ о послѣднихъ часахъ С. Н. въ Петербургѣ. Утромъ 29 сентября онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы выяснитъ университетскія дѣла. Около 2 ч. дня князь Трубецкой былъ уже въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, ожидая пріема у министра. Разговоръ съ министромъ продолжался около 1½ часа. Изъ кабинета министра С. Н. вышелъ, повидимому, очень усталый.

— „Много дѣла въ Москвѣ, очень усталъ, да и не удается все сдѣлать, какъ-бы хотѣлось“... началъ профессоръ взволнованнымъ голосомъ, выходя отъ Глазова, но его прервали и вновь пригласили къ министру...

Началось засѣданіе... Кромѣ министра, его товарищей Лукьянова и Ренара, директора департамента Тихомирова, Тавилдарова, въ немъ принимали участіе профессора Суловъ, Щербаковъ, Деревницкій и Куплеваскій. Коммиссія заканчивала чтеніе новаго университетскаго устава, и ей предстояло высказаться, между прочимъ, о студенческихъ организаціяхъ. С. Н. принималъ участіе въ преніяхъ и въ началѣ не казался особенно утомленнымъ. Около 7 часовъ вечера онъ вдругъ поблѣднѣлъ, откинулся на спинку стула

¹⁾ „Наша Жизнь“, № 293.

и, повидимому, потерялъ сознание. Совѣщаніе было прервано. С. Н-ча уложили рядомъ въ комнатѣ на диванъ. Послали за врачомъ и потребовали карету скорой помощи; ее пришлось ожидать дольше часа. Въ это время въ министерство пріѣхалъ врачъ, а также и родственники Трубецкого—кн. А. Н. Оболенскій и Кристи. С. Н-чу было очень плохо, первое время онъ еще понималъ и говорилъ, но затѣмъ впалъ почти въ безсознательное состояніе. Въ половинѣ 10-го вечера больного въ каретѣ скорой помощи отправили въ Еленинскую клинику, гдѣ состоялся консилиумъ врачей. Были приглашены профессора: Афанасьевъ, Тиллингъ и Блюменау. Они опредѣлили склерозъ сосудовъ. Больной уже не приходилъ въ себя. Въ первое время прибѣгли къ искусственному дыханію, и оно на время поддержало больного. Въ 12 часовъ ночи С. Н. скончался.

Въ ночь съ 30 сентября на 1 октября, послѣ вечерней панихиды, произведено было бальзамированіе тѣла С. Н. Трубецкого ¹⁾ При этомъ вполне выяснилась непосредственная причина смерти: С. Н. погибъ отъ громаднаго кровоизліянія въ толщу головного мозга вслѣдствіе разрыва одного изъ мозговыхъ сосудовъ (т. н. апоплексія, мозговой ударъ). Всѣ сосуды мозга оказались перерожденными, потеряли свою обычную эластичность и крѣпость. Такимъ образомъ, жизнь С. Н-ча давно уже висѣла на волоскѣ: каждое болѣе или менѣе сильное волненіе, повысивъ кровяное давленіе въ сосудахъ, могло повлечь за собою разрывъ ихъ. Такъ и случилось ²⁾....

Похороны кн. С. Н. Трубецкого, состоявшіяся 3 октября, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлались національнымъ все-россійскимъ событіемъ. Въ нихъ такъ или иначе приняло участіе все, что есть въ Россіи сознательнаго. Участіе это выразилось въ обычныхъ церковныхъ и гражданскихъ формахъ (панихиды, рѣчи, вѣнки, телеграммы, акты благотвс-

¹⁾ Приводимыя въ настоящемъ абзацѣ подробности находимъ въ № 296 „Нашей Жизни“.

²⁾ Результаты этого вскрытія безусловно устранили начавшее циркулировать (преимущественно въ студенческихъ кругахъ) предположеніе объ отравленіи С. Н. Трубецкого.

рительности, адреса, газетныя и журнальныя статьи и т. п.), отличавшихся на этотъ разъ лишь необыкновенной широтой и грандіозностью, а также—и въ довольно необычныхъ, но, по условіямъ переживаемаго времени и въ виду роли покойнаго въ событіяхъ послѣдняго года, совершенно естественныхъ и даже неизбѣжныхъ (политическія демонстраціи). Мы не имѣемъ ни возможности ни надобности подробно рассказывать обо всемъ этомъ; отмѣтимъ лишь наиболѣе выдающееся и характерное.

Панихиды по кн. С. Н. Трубецкомъ служились всюду, гдѣ только знали покойнаго, всѣми, кто хоть сколько-нибудь цѣнилъ его дѣло (а не цѣнить послѣднее могли только враги Россіи или ослѣпленные партійной борьбой люди), и потому ихъ такое громадное множество, что одинъ голый перечень ихъ занялъ-бы нѣсколько страницъ. Здѣсь мы видимъ и учрежденія (университеты, институты, присутственныя мѣста и т. п.), и общества (ученія, дѣловыя и пр.), и отдѣльныхъ лицъ (начиная съ высочайшихъ особъ и кончая самими простыми обывателями), и извѣстныя группы (священниковъ, ученыхъ, студентовъ, учениковъ среднихъ школъ, разныхъ практическихъ и общественныхъ дѣятелей и пр.). Печальнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются только нѣкоторыя слабо заявленныя, но встрѣтившія энергичное осужденіе общества попытки нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ если не вполне противодѣйствовать церковному поминовенію почившаго, то все-же сообщить этому поминовенію характеръ, оскорбляющій чувства его почитателей. Жаль, что такъ случилось, и хотѣлось-бы вѣрить, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе ¹⁾... Едва-ли не эти печальныя примѣры послужили поводомъ къ тому, что потомъ, напр., директора гимназій стали испрашивать на панихиду разрѣшеніе у попечителя округа.

1) Вѣдь прямо невѣроятно,—какъ справедливо отмѣчаетъ свящ. Г. Петровъ (№ 260 „Русскаго Слова“ въ статьѣ: „Нѣчто невѣроятное“),—видѣть, что епископъ отказывается служить панихиду, потому что усопшій былъ хотя и христіанинъ, но человекъ „противнаго ему лагеря“.

И дѣйствительно, газетныя сообщенія неправильно освѣщаютъ фактъ. Достаточное разъясненіе его читатели могутъ найти въ ст. *en. Сергія* „О панихидѣ по кн. С. Н. Трубецкомъ“ (Церк. Вѣстн. 1905 г. № 41, стб. 1286—1287).

Въ рѣчахъ преобладаетъ подчеркиваніе выдающейся общественной и политической роли покойнаго, глубокая, неутѣшная скорбь объ утратѣ такого незамѣнимаго борца за освобожденіе Россіи и, въ частности, науки и увѣренность, что его имя будетъ бессмертно въ свободномъ русскомъ народѣ. Въ этихъ рѣчахъ прямо, ясно и страстно высказаны тѣ надежды и требованія, носителемъ которыхъ былъ С. Н. Трубецкой и которыхъ, конечно, не умерли вмѣстѣ съ нимъ, а еще интенсивнѣе стали добиваться своего осуществленія. Здѣсь, какъ и при панихидахъ уже одинъ перечень ораторовъ, говорившихъ какъ при погребеніи въ Москвѣ, такъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ нашего отечества, занялъ-бы очень не мало мѣста. Говорили профессора, представители власти, общественные дѣятели, врачи, адвокаты, студенты, семинаристы, курсистки, священники, архимандриты, равнины и т. д. Большинство говорило въ указанномъ преобладающемъ тонѣ ¹⁾. Это все были люди, для которыхъ С. Н.

¹⁾ Для образца приводимъ рѣчи, сказанныя предъ могилой на кладбищѣ Довского монастыря (см. въ № 260 „Русскаго Слова“).

Рѣчь Н. Н. Баженова.

Когда въ часъ великой бури разсвирѣпѣвшія волны рвутъ съ якорныхъ цѣпей корабля, разбиваютъ пристань и моль и разрушаютъ на берегу рыбацьи хижины,—все это еще полбѣды. Настоящая большая бѣда, истинное несчастіе для всѣхъ, кто въ эту грозную ночь находится въ открытомъ морѣ, наступаетъ въ ту минуту, когда урагану удастся потушить маякъ. Мы сейчасъ переживаемъ почти такую катастрофу, почти столь же жуткое и щемящее горе.

Осиротѣла кафедра философій; обезглавленъ только что возродившійся къ автономной жизни старѣйшій русскій университетъ и изъ кадровъ того генеральнаго штаба, который руководитъ кампаніей за гражданское освобожденіе Россіи, выбылъ самый значительный и самый видный дѣятель. Но этимъ еще не исчерпываются размѣры утраты, которую понесли мы.

Она несравненно глубже и горше. Надъ русской землею несется теперь грозный смерчъ. Пусть онъ опрокинетъ много кумировъ, пусть съ корнемъ, какъ былинки, вырветъ вѣковые кряжи зла и неправды, но есть нѣчто, что, по своему значенію абсолюта, безусловнаго общественно-моральнаго принципа, несоизмѣримо ни съ какими даже важнѣйшими, но все-таки временными задачами даннаго историческаго момента, нѣчто, что мы должны пронести цѣлымъ и невредимымъ чрезъ всѣ перепитія

Трубецкой былъ вполне своимъ человѣкомъ, люди, готовые при жизни его сгруппироваться вокругъ него, какъ около

того политическаго и соціальнаго катаклизма, который мы переживаемъ теперь и еще долго будемъ переживать, иѣчто, что, какъ чудотворную святыню изъ горящаго храма, нужно во что бы то ни стало вынести на рукахъ, и что по самому существу своему—виѣ всякой распри и выше всякой борьбы, что должно быть неприкосновеннымъ для всѣхъ безъ различія и ни въ чьихъ рукахъ не можетъ служить оружіемъ,—это великое и вѣчное, эта нерушимая святая святыхъ именуется: свобода и просвѣщеніе.

Конечно, почившій князь СергѢй Николаевичъ былъ первымъ гражданиномъ своей родины и сыномъ своей исторической эпохи; конечно, онъ со всѣми нами болѣлъ нашимъ общимъ страданіемъ и въ первыхъ рядахъ боролся за осуществленіе нашихъ общественно-политическихъ идеаловъ. Но не это самое важное и самое цѣнное въ немъ и его дѣятельности. Его главная заслуга въ томъ, что онъ былъ бодрствующимъ стражемъ на томъ маякѣ, который сквозь тьму и туманъ, нависшіе надъ русскою землею, бросаетъ два яркихъ снопа свѣта: свобода и просвѣщеніе.

Теперь онъ въ гробу.

И если мы, многотысячною толпою собравшіеся вокругъ этой могилы хотимъ достойно почтить его память, то сплотимся скорѣе вокругъ этого маяка, не дадимъ померкнуть его свѣту, да не загаситъ его никакой ураганъ, съ какой бы стороны онъ ни дулъ, ибо только этотъ свѣтъ спасетъ насъ, только на этотъ маякъ выплыветъ изъ бурной пучины тотъ караванъ, на которомъ погружены благо и честь нашего народа, историческія судьбы и культурное будущее нашего отечества.

Рѣчь Л. М. Лопатина.

Жутко и страшно надъ этой могилой. Голова кружится при мысли, что произошло и что мы дѣлаемъ. И что чувствуютъ не только друзья усопшаго. Я не знаю на моей памяти другого случая смерти общественнаго дѣятеля, который такъ потрясъ бы Москву, такъ потрясъ бы всю Россію. И я не думаю, чтобы тутъ дѣло шло только о Россіи. Скорбная вѣсть отзовется и за ея предѣлами. И тамъ поймутъ, какъ много потеряла наша бѣдная родина въ лицѣ этого твердаго и честнаго гражданина.

Вѣдь князь СергѢй Николаевичъ Трубецкой—это не только общественный дѣятель, князь СергѢй Николаевичъ—это общественное знамя, это знамя мирнаго и легальнаго развитія нашей страны по пути свободнаго прогресса. И вотъ это знамя вырвано изъ нашихъ рукъ. Подымается скорбное чувство: куда же мы идемъ и что ждетъ насъ. Значеніе князя СергѢя Николаевича Трубецкаго не въ одномъ этомъ. Вѣдь онъ только сравнительно недавно выступилъ на общественное доприще, побуждаемый

своего умственного, морального и политическаго центра. Что они говорили и какъ говорили, это было безусловно

силою обстоятельствъ. Самъ по себѣ и прежде всего это былъ глубоко-мысленный мыслитель, это былъ крупный ученый съ европейской извѣстностью, это былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ публицистовъ. Но здѣсь, надъ его открытой могилой, я не стану говорить обо всемъ этомъ. Эта часть его дѣятельности останется навсегда съ нами. Оцѣнка этому будетъ скоро сдѣлана, и я не думаю, чтобы она могла вызвать споры. Но вѣдь вообще для людей, знавшихъ покойнаго близко, для друзей его тяжело говорить о его общественной и научной роли. Вѣдь у насъ изъ груди кусокъ живого мяса вырванъ. Какъ же намъ говорить о подобныхъ вещахъ. Общественная и научная дѣятельность, вѣдь это не вся личность человѣка. Это только часть ея, и даже не самая важная часть. Найдутся и будутъ выступать дѣятели столь же твердые и столь же безукоризненные, какъ Сергѣй Николаевичъ Трубецкой. Будутъ у насъ и глубокомысленные философы, будутъ и крупные ученые, а такого не будетъ, и въ этомъ угроза смерти, въ независимомъ, въ непередаваемомъ, составляющемъ существо данной личности, ея индивидуальность, ея неотдѣлимое, ея особенность: это отъ насъ ушло и ушло навѣки. Къ этому можно привыкнуть долгими годами, но съ этимъ нельзя помириться и объ этомъ нельзя забыть. При кончинѣ близкихъ намъ людей мы болѣе всего думаемъ объ этой незамѣнимой индивидуальности ихъ, но вѣдь этого словами не передать. Скажу то, что будетъ наиболѣе бьющимъ въ глаза въ индивидуальности Сергѣя Николаевича Трубецкого. Рѣдко встрѣчаются въ жизни люди съ такой цѣльной, съ такой стильной личностью, если можно такъ выразиться, высокимъ душевнымъ благообразиемъ, для которой было недоступно ничто мелочное, пошлое, низкое или грязное. Въ этомъ была основная стихія его существа и при этомъ въ его натурѣ соединились страшныя противоположности яснаго, могучаго, оригинальнаго ума, твердой, ничѣмъ неподкупной вѣры, а съ другой стороны—женская мягкость сердца и, рѣшусь сказать, какая-то дѣтская простота, жизнерадостность, неисчерпаемый юморъ, чисто юношеская восприимчивость ко всему забавному. Въ послѣдніе дни на нашихъ университетскихъ совѣтахъ, измученный болѣзью, истерзанный нравственными страданіями, своей службой, съ лицомъ умирающаго, онъ обманывалъ всѣхъ насъ яскою красотой своего душевнаго настроенія. О добротѣ его говорить не стану,—она слишкомъ всѣмъ ясна. Сколько народу онъ спасъ, сколькимъ помогъ, о сколькихъ хлопоталъ.

Укажу еще на полное отсутствіе у него какого-нибудь тщеславія и какого-нибудь озлобленія. Онъ былъ одинаково простъ, одинаково сердеченъ и тогда, когда былъ увлекающимся студентомъ, мало кому извѣстнымъ, и когда достигъ высокой славы и всеобщаго признанія. Свѣтлымъ онъ прошелъ среди насъ и свѣтлымъ ушелъ въ тотъ міръ, въ который онъ такъ непоколебимо, такъ ясно, такъ живо вѣрилъ. До свиданья, дорогой!

естественно и не могло быть иначе. Но истинное величіе человѣка познается изъ отдаленности и разносторонности

Рѣчь Ѳ. Ѳ. Головина.

Въ великія эпохи государственнаго строительства, когда на смѣну обветшалаго строя зарождается новый порядокъ, мощныя волны общественнаго движенія выносятъ на поверхность государственной жизни тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые чуткимъ сердцемъ воспріяли настроеніе общества, пытливымъ умомъ поняли потребности времени и сильнымъ словомъ выразили ихъ въ понятной для всѣхъ живой рѣчи.

Такимъ общественнымъ дѣятелемъ явился покойный князь С. Н. Трубецкой.

Человѣкъ науки, онъ до послѣдняго времени стоялъ въ сторонѣ отъ общественной жизни и не принималъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи.

Но могучее освободительное движеніе, разлившееся по всей странѣ, захватило и кн. С. Н., а его чутко сердце, пытливый умъ и горячее слово—сдѣлали вождемъ этого движенія.

И вотъ мы видимъ князя дѣятельнымъ членомъ съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, мы видимъ его членомъ организаціоннаго бюро съѣздовъ, принимающимъ самое дѣятельное участіе въ его подготовительныхъ къ съѣздамъ работахъ, мы видимъ его въ числѣ депутатовъ, посланныхъ майскимъ съѣздомъ къ Государю, мы слышимъ его горячую рѣчь, обращенную къ Государю 6-го іюня, рѣчь полную любви къ отечеству и ненависти къ приказному строю, ведущему Россію къ гибели. И такого дѣятеля теряетъ Россія въ ту минуту, когда нужны послѣднія усилія страны для торжества идеаловъ общества и гибели приказнаго строя.

Но будемъ надѣяться, что наше отечество выставитъ въ первую минуту людей съ сильнымъ сердцемъ, умомъ и словомъ; будемъ вѣрить, что близокъ часъ, когда идеалы Трубецкого—свобода и равенство на основѣ горячей любви къ человѣку—будутъ не только мечтою идеалистовъ, далекихъ отъ практической политики, но явятся основою праваго порядка въ нашемъ государствѣ.

Рѣчь студента Зака.

Много страданій, слезъ и отчаянія таить въ себѣ русская жизнь. Все великое, все смѣлое, все свободное гибнетъ въ цѣпяхъ существующаго режима... И смерть князя Сергѣя Николаевича еще разъ показала, что въ Россіи великіе свободные люди могутъ только умирать...

Когда разнеслась ужасная потрясающая вѣсть о кончинѣ князя Сергѣя Николаевича, общество встрепенулось: оно не хотѣло вѣрить въ возможность этой смерти; судорожно, страстно искало оно ея виновниковъ, окутывало тайной и неизвѣстностью кончину Сергѣя Николаевича. А вѣдь тутъ вѣтъ никакой тайственности, никакой неизвѣстности. Виновники смерти Сергѣя Николаевича одни—это существующій строй, при

его вліянія и производимаго имъ впечатлѣнія. Въ этомъ отношеніи краснорѣчивѣйшемъ свидѣтельствомъ о почившемъ служатъ рѣчи и заявленія о немъ людей, стоящихъ, повидимому (по крайней мѣрѣ, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ официальныхъ представителей этихъ круговъ), отъ него чрезвычайно далеко,—можно сказать, на самой отдаленной периферіи. Мы разумѣемъ рѣчь отъ имени Петербургскихъ священниковъ, произнесенную свящ. К. М. Аггеевымъ, рѣчь Московскаго раввина Мазе и выраженія горячихъ симпатій со стороны семинаристовъ ¹⁾. Беззавѣтная и безкорыстная

которомъ задыхается весь народъ, при которомъ не можетъ быть свободной жизни и ея безкорыстныхъ служителей...

Жизнь свою Сергѣй Николаевичъ посвятилъ свободной наукѣ. Всѣ силы, всѣ его мысли отдавалъ онъ свободной наукѣ въ свободномъ университетѣ. И когда онъ понялъ, что въ Россіи не можетъ быть свободы, когда онъ понялъ, что университетъ не можетъ существовать въ то время, когда за его стѣнами народъ умираетъ за свободу и право,—силы его надорвались, жизнь была сломлена...

Послѣднюю попытку, больной, измученный, онъ сдѣлалъ въ день своей смерти: онъ требовалъ народной свободы, ибо только въ свободной странѣ можетъ быть свободная наука...

Умеръ князь Сергѣй Николаевичъ, но не умерло то, для чего онъ жилъ... И если мы собрались отдать здѣсь послѣдній долгъ великому борцу, то мы отдадимъ этотъ долгъ лишь тогда, если мы уйдемъ отсюда съ вѣрой въ его идеалы, съ готовностью продолжать начатую имъ борьбу.

¹⁾ „Въ послѣднее время,—говорилъ между прочимъ свящ. Аггеевъ,—наше отечество переживаетъ эпоху великаго возрожденія къ пути осуществленія заповѣди Христа о свободѣ чловѣческаго духа. И какъ дороги намъ, кровно близки намъ, пастырямъ церкви, такіе дѣятели, которые выступаютъ на эту самую работу подъ вѣчнымъ знаменемъ Христа. Пять лѣтъ тому назадъ, вся Россія была поражена глубоко-скорбною вѣстью о преждевременной кончинѣ великаго христіанина и философа В. С. Соловьева. Нынѣ предъ нами трупъ ближайшаго его ученика и друга, закрывшаго его глаза, дорогаго князя Сергѣя Николаевича Трубецкаго. Нѣтъ силъ равнодушно говорить объ этой столь безвременной кончинѣ. Прими отъ пастырей церкви глубокую благодарность, великій дѣятель, осуществлявшій въ своей самоотверженной работѣ великій завѣтъ Христа.

Прими отъ насъ, пастырей церкви глубокую благодарность, великій ратоборець за свободу науки, которую ты ограждалъ отъ вторженія чуждыхъ ей элементовъ, въ чемъ послѣдніе ни выражались. Наука свободная приведетъ къ тому, что есть „свѣтъ міру“, а мы, пастыри церкви, останемся молитвенниками передъ Престоломъ Всевышняго объ упокое-

любовь къ родинѣ и горячая преданность ея истиннымъ культурнымъ задачамъ являются великой объединяющей силой, которая уничтожаетъ всѣ раздѣляющія людей социальныя и другія перегородки. И вотъ лучший представитель этой единящей силы сошелъ въ гробъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ бы намъ наиболѣе нуженъ...

Вѣнокъ на гробъ С. Н. Трубецкого возложено небывало много (по подсчету Московскихъ газетъ не менѣе 200). Въ ихъ числѣ долженъ быть названъ огромный вѣнокъ изъ лавровъ и орхидей (безъ ленты) отъ Государя Императора. Остальные всѣ—съ лентами и очень сердечными, трогательными надписями. Тутъ мы видимъ вѣнки—отъ Московскаго университета (серебряный, съ надписью: „Своему возлюбленному ректору и славному русскому гражданину“), отъ профессоровъ и студентовъ Моск. ун.—та нѣсколько вѣнковъ („Честному борцу“, „Борцу за идеалъ гражданской и академической свободы“, „Борцу за свободу народа и науки“), отъ университетовъ Петербургскаго, Кіевскаго, Варшавскаго, Юрьевскаго, Новороссійскаго. („Честному и славному борцу

ніи твоемъ“ („Наша Жизнь“, № 296). На могилѣ С. Н-ча въ числѣ послѣднихъ ораторовъ говорилъ московскій раввинъ г. Мазе отъ имени московской еврейской общины. Ораторъ заявилъ, что онъ „явился къ могилѣ славнаго кн. С. Н. Трубецкого по порученію московскихъ евреевъ, которые, отслуживъ панихиду по кн. Трубецкомъ въ своемъ храмѣ, сочли долгомъ выразить чувства, вызываемыя смертью Трубецкого.

Эти чувства не есть чувства народа раба, помнящаго оказанную ему ласку. Онъ никогда бы не осмѣлился оскорбить прахъ такого дорогого для всѣхъ человѣка принесеніемъ благодарности отъ рабовъ. Нѣтъ, это—свободный народъ, затаивъ дыханіе, преклоняется предъ человѣкомъ, предъ которымъ преклониться не стыдно.

И каждый разъ, когда еврейскій народъ наталкивался на тѣхъ христіанъ, которые вѣрны христіанству, а слѣдовательно вѣрны идеалу человѣка на землѣ, онъ не въ качествѣ благодарнаго раба, а въ качествѣ народа вполне свободнаго, боготворить такихъ людей, поклоняется имъ, воздастъ имъ должное. Къ числу такихъ людей принадлежалъ покойный князь Трубецкой“. („Рус. Сл.“ 260). Семинарсты,—этотъ наиболѣе обиженный и обдѣленный классъ учащихся,—справедливо видѣли въ покойномъ противника незаконныхъ ограничительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ питомцевъ духовной школы (запрещеніе поступать въ университеты, кромѣ окрайнихъ), и выразили охватившія ихъ чувства скорби о человѣкѣ, на котораго возлагали большія надежды, трогательными заявленіями въ газетахъ, вѣнкомъ, панихидами и т. п.

за политическую и академическую свободу*), отъ профессоровъ и студентовъ Лазаревскаго института, высшаго художественнаго училища, приватъ-доцентовъ медицинской академіи, отъ института гражданскихъ инженеровъ, отъ младшихъ преподавателей женскаго медицинскаго института, отъ конференціи Константиновскаго межевого института и т. д. и т. д. отъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній, профессоровъ, студентовъ, преподавателей и учащихся среднихъ школъ и проч. Масса вѣнковъ отъ учащихся женщинъ, отъ разныхъ общественныхъ группъ и союзовъ, отъ газетъ и журналовъ, отъ ученыхъ обществъ (психологическаго, философскаго и др.), отъ Московскаго окружнаго суда, отъ театровъ, отъ евреевъ, мусульманъ и т. д. Кромѣ надписей въ вышеприведенномъ родѣ, обращаютъ на себя вниманіе: „За чѣмъ свободы не дождался?—учителю гражданину Московскіе высшіе женскіе курсы“; „Философу - идеалисту, защитнику достоинства и правъ гражданина“ (отъ студентовъ СПб. дух. академіи); „Защитнику безправныхъ“ (отъ союза приказчиковъ въ Петербургѣ); „Рыцарю свободы“ (отъ редакціи „Новостей“); „Борцу за равноправность всѣхъ народностей“ (отъ Бакинскихъ мусульманъ) и мн. др.

Вдова С. Н.—ча и, въ особенности, Московскій университетъ получили массу телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія какъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, такъ изъ-за границы. Телеграммы—какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ различныхъ корпорацій и группъ. Между ними есть и отъ нашей Академіи — отъ профессоровъ и отъ студентовъ отдѣльно. Есть отъ студентовъ Кіевской духовной Академіи. Содержаніе и тонъ телеграммъ тѣ же, что и рѣчей.

Общественныя учрежденія и группы частныхъ лицъ Москвы, Петербурга и многихъ провинціальныхъ городовъ и мѣстечекъ постановили увѣковѣчить память С. Н. Трубецкаго разными актами благотворительности (въ родѣ стипендій, постройки училищъ и под.), помѣщеніемъ его портрета и т. д. Всѣ газеты,—а за ними, конечно, послѣдуютъ и журналы,—посвятили ему глубоко сочувственныя статьи и множество сообщеній о чествованіяхъ его памяти.

Вообще, можно только еще разъ повторить, что похороны кн. Сергѣя Николаевича вполне носили характеръ національнаго, всероссійскаго событія. Такой характеръ былъ еще

болѣе подчеркнуть тѣми политическими демонстраціями, какими сопровождались эти похороны. По своей грандіозности эти манифестаціи были чѣмъ то давно не бывалымъ и не виданнымъ въ Москвѣ. Политически зрѣлая, культурная Россія провожала въ могилу своего лучшаго представителя. Торжество было омрачено, къ сожалѣнію, обычнымъ у насъ въ подобныхъ случаяхъ вмѣшательствомъ въ мирную манифестацію войскъ и казаковъ, съ неизбѣжными при этомъ жертвами...

Какъ общественный дѣятель, въ прежніе годы кн. С. Н. Трубецкой выступалъ довольно рѣдко. Его даже склонны были считать человѣкомъ кабинетнымъ, погруженнымъ въ науку и философію. Но никто изъ знавшихъ его ни на минуту не могъ усомниться, что это — человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, спокойно—смѣлый, который въ нужный моментъ не поколеблется высказать свое откровенное мнѣніе и выступить борцомъ противъ неправды, какими бы непреодолимыми преградами послѣдняя ни была защищена. Для независимости его убѣжденій и смѣлости его слова очень характернымъ является его рѣзкое выступленіе противъ моднаго одно время увлеченія реформой правописанія со статьею: „Сумлѣваюсь штопъ“. Столичные педагоги, а въ особенности учителя низшихъ школъ, горько чувствующие всю трудность научить школьниковъ правильному русскому письму, придумали для устраненія зла очень простое и, если угодно, даже цѣлесообразное средство—упростить правописаніе. Но намѣченная задача была для нихъ непосильна (разрѣшеніе ея по силамъ. м. б., только академіи наукъ), а въ увлеченіи ею они вступили на ложный путь, требуя введенія у насъ фонетическаго правописанія. Противъ крайностей такого опаснаго реформаторства и возсталъ въ названной статьѣ кн. Трубецкой со всею свойственною ему смѣлостью, не боясь даже прослыть упрямымъ консерваторомъ.

Всегда и въ прежнее время покойный былъ врагомъ всякой цензуры, которую онъ справедливо считалъ виновницей самыхъ великихъ и непоправимыхъ золъ въ нашей духовной жизни и культурѣ. Она виновна въ той мертвящей ка-

женщинѣ, схоластикѣ и лицемѣрїи, которыя царствуютъ въ нашемъ подцензурномъ богословіи; она не дала совсѣмъ развиться у насъ самостоятельной философіи; она душила у насъ расцвѣтъ публицистики, приучала ее къ эзоповскому языку и доводила свою требовательность до того, что мало было „молчать“, а надо было еще „славословить“; она посягала на самую исторію и даже, — какъ это ни мало вѣроятно, — на положительную науку... Дальше идти было некуда. Старая, глупая, несносная гувернантка доходила до геркулесовыхъ столбовъ въ проявленіяхъ своей необузданной лицемѣрно-дѣвической стыдливости, а взрослый ребенокъ, именуемый русскимъ народомъ, долженъ былъ покорно болтать наивности сюсюкающимъ и картавымъ дѣтскимъ языкомъ, въ то время какъ изъ его груди такъ и рвались могучія басовыя ноты протеста и самыя реалистическія слова жесткой, безошадной правды... Она старалась оберечь насъ даже отъ простаго знакомства съ умственной жизнью другихъ, свободныхъ народовъ (цензура заграничныхъ книгъ и изданій). Понятно, что правдивый и искренній С. Н.—чь не могъ не возмущаться всею душой противъ той опеки, которою не возмущались только безсовѣстные люди, нагло эксплуатирующіе безправіе ближнихъ. Вездѣ, гдѣ только оказывался подходящий случай, онъ говорилъ свое протестующее слово такъ сильно и выразительно, какъ только онъ умѣлъ говорить. Такъ, между прочимъ, въ рѣчи предъ своимъ докторскимъ диспутомъ, защищая диссертацию, которая только въ университетскомъ изданіи могла появиться безпрепятственно и въ не урѣзанномъ видѣ, онъ, отмѣчая научно-богословскій характеръ своей работы во многихъ отдѣлахъ, сказалъ, что научное богословіе относится къ нашему традиціонному такъ же, какъ „астрономія къ астрологіи“. Насколько удачно и вѣрно было это замѣчаніе, насколько оно попадало не въ бровь, а прямо въ глазъ право-вѣрнымъ астрологамъ, видно уже изъ того до неприличія неистоваго нападенія на его книгу, которое сдѣлано было однимъ изъ видныхъ представителей цензурной охраны подъ никого не обманувшимъ псевдонимомъ Старобѣльскаго. Большое впечатлѣніе произвела также статья противъ цензурной опеки русскихъ гражданъ въ заграничномъ „Освобожденіи“ П. Б. Струве, которая молвой приписывалась С. Н. Трубец-

кому, а послѣдній нигдѣ этого публично не опровергъ. Въ этой статьѣ и развивается (въ нѣсколько иной, впрочемъ, формѣ) вышеприведенный образъ попечительной гувернантки. Наконецъ, и въ недавно печатавшихся въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ статьяхъ о безсмертіи души С. Н. горько жалуется на фальшивое положеніе, создаваемое для апологета безсмертія нашей цензурой: философскаго и сколько нибудь плодотворнаго спора объ этомъ предметѣ у насъ вести нельзя, потому что противники безсмертія осуждены на безмолвіе.

Съ осени прошлаго года покойный принимаетъ горячее участіе въ политической борьбѣ, завершившейся на дняхъ объявленіемъ у насъ въ Россіи конституціи. Министерство Святополкъ-Мирскаго, возвѣстившаго начало русской „весны“, дало возможность организовать нашимъ освободительнымъ силамъ. Смѣлѣе и энергичнѣе послышались голоса, требующіе обновленія. Само собою понятно, что также сильнѣе и отчаяннѣе завопила и реакція, крича объ измѣнѣ, сыпля доносами и на каждомъ шагу покушаясь тащить въ участокъ. Главнымъ запѣвалой этого сыска были, конечно, „Московскія Вѣдомости“, уже со временъ Каткова избравшія себѣ такую почетную специальность. Поднятая названной газетой травля противъ брата покойнаго, кн. Е. Н. Трубецкого, за его статью въ „Правѣ“ дала поводъ С. Н. — чу выступить съ громовымъ обличеніемъ противъ сикофантовъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Статья эта сразу была признана лучшимъ выраженіемъ общественнаго русскаго настроенія. Кн. С. Н. Трубецкой молчаливымъ согласіемъ, а отчасти и рядомъ громкимъ заявленій былъ провозглашенъ русскимъ народнымъ трибуномъ. Его стали считать наиболѣе способнымъ на всякій самый рѣшительный и самый успѣшный шагъ въ пользу нашего освобожденія. „Судь идетъ“, — писалъ онъ осенью прошлаго года... И лѣтомъ текущаго года онъ мужественно провозгласилъ (рѣчь 6 іюня) этотъ приговоръ предъ тою Властью, отъ которой зависѣло его осуществить. Это было кульминаціоннымъ пунктомъ его популярности. Его имя, какъ ходатая за бѣдную, безправную русскую землю, прогремѣло по всемъ уголкамъ нашей страны, — и когда его не стало, мы увѣрены и знаемъ, не мало безвѣстныхъ и незримыхъ, но драгоценныхъ по своей искренно-

сти слезъ пролилось въ память безвременно сошедшей въ могилу великой общественной силы ¹⁾...

Миръ праху его!... Но зачѣмъ, зачѣмъ онъ не дождался того дня, который и въ его измученную душу повѣялъ бы миромъ?!..

П. Тихомировъ.

20 окт. 1905 г.

¹⁾ Кн. С. Н. Трубецкой занималъ видное мѣсто среди современныхъ русскихъ философовъ. Недостатокъ времени, поглощаемого все вновь и вновь съ головокружительной быстротой нарождающимися злободневными интересами, не позволилъ намъ коснуться, какъ мы предполагали, его философскихъ воззрѣній. Но мы обѣщаемъ сдѣлать это въ слѣдующей книжкѣ.